

На правах рукописи

Жаркова

Жаркова Евгения Петровна

**АНТИУТОПИИ М. ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ» И
«ТРИЛОГИЯ БЕЗЗУМНОГО АДДАМА» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ
И НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ ЖАНРА**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2017

Работа выполнена на кафедре истории и типологии русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Филюшкина Светлана Николаевна

Официальные оппоненты: **Рабинович Валерий Самуилович,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральский гуманитарный институт, департамент «Филологический факультет», кафедра русской и зарубежной литературы, профессор

Шишкина Светлана Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», кафедра иностранных языков и лингвистики, профессор

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

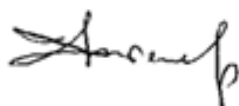
Защита состоится 27 декабря 2017 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www.science.vsu/dissert>

Автореферат разослан «24» ноября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Александр Анатольевич Житенев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Маргарет Элеанор Этвуд (Margaret Eleanor Atwood, род. 1939) – одна из ведущих представительниц современной англоязычной канадской литературы, поэтесса, критик, литературный деятель, феминистка. Ее перу принадлежит более 40 книг стихов, художественной и критической прозы и эссе.

Роман М. Этвуд «Рассказ Служанки» (“The Handmaid’s Tale”) был опубликован в 1985 году и воспринят критиками как одно из самых значительных произведений Маргарет Этвуд. Он продолжает традицию англоязычной антиутопии XX века, классическими образцами которой являются «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли и «1984» Джорджа Оруэлла, и по праву считается одной из вершин творчества писательницы, отмечен премией Артура Кларка. После «Рассказа Служанки» М. Этвуд публикует, наряду со сборниками малой прозы, еще четыре романа, однако к жанру антиутопии канадская писательница обращается уже в новом столетии, выпуская в течение десятилетия сразу три произведения, объединенные в «Трилогию Безумного Адамма» (“MaddAddam”, 2003-2013).

Антиутопическое творчество Маргарет Этвуд даже при переводе на русский язык остается практически не изученным российскими литературоведами. Хотя обращение к жанру антиутопии имеет давнюю традицию в отечественной науке, внимание исследователей прежде всего привлекали либо отечественные произведения, относимые к жанру антиутопии, либо классические западные образцы – романы Оруэлла и Хаксли; произведения Этвуд в этом ключе не оценивались. В нескольких диссертациях, где «Рассказ Служанки» фигурировал в качестве материала исследования, он рассматривался в широком ряду других произведений вне связи с антиутопической проблематикой.

Вышеизложенное обуславливает **актуальность** диссертационной работы, которая определяется обращением к произведениям Этвуд в

контексте антиутопической традиции, а также необходимостью уточнить ряд позиций и оценок западных литературоведов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем произведения Этвуд оцениваются в русле жанровых трансформаций, которые претерпевает антиутопия во второй половине XX – начале XXI века, причем в данном контексте трилогия канадской писательницы рассматривается как художественное целое при одновременном сопоставлении ее с «Рассказом Служанки» с точки зрения содержательной глубины и эстетической ценности.

Объектом исследования являются антиутопические произведения М. Этвуд. **Предметом** – их художественная специфика.

Материалом для настоящей работы послужили романы М. Этвуд «Рассказ Служанки» (1985) и «Трилогия Безумного Аддама», в состав которой входят романы «Орикс и Коростель» (“Oryx and Crake”, 2003), «Год Потопа» (“The Year of the Flood”, 2009) и «Безумный Аддам» (“MaddAddam”, 2013). При анализе романов Этвуд в контексте антиутопической традиции используются наиболее примечательные антиутопии первой половины XX века – «Мы» Е. Замятина (1920), «О дивный новый мир» О. Хаксли (1932), «1984» Дж. Оруэлла (1948), а также образцы новейшей литературы в жанре антиутопии, которые пока еще не получили четкой оценки.

Цель диссертационного исследования – выявление специфики антиутопического творчества М. Этвуд в контексте традиции и современных жанровых вариаций.

Данная цель обуславливает решение следующих **задач**:

1. На примере романа «Рассказ Служанки» раскрыть различные аспекты подавления личности в тоталитарном обществе посредством сопоставления произведения М. Этвуд с известными образцами жанра первой половины XX века.

2. Выявить идейно-художественное своеобразие «Рассказа Служанки», связанное с изображением системы угнетения личности через восприятие женщины, подвергающейся особым, извращенным формам насилия.

3. Определить отличия в сюжетно-композиционной организации различных частей «Трилогии Безумного Адама», обусловленные особенностями объекта авторской критики.

4. Осмыслить обращение Этвуд к поискам современной науки в области генной инженерии, направленной на создание людей будущего, и определить, в какой мере в трилогии ставится вопрос об ответственности ученых, работающих в этой области.

5. Оценить поиски романистки, касающиеся проблемы индивидуального бунта против системы угнетения, а также возможностей появления новых, более организованных форм сопротивления.

6. Охарактеризовать художественные решения М. Этвуд в контексте массовой литературы.

Теоретико-методологической основой данного исследования послужили идеи, представленные в трудах отечественных и зарубежных специалистов: Ю. А. Борисенко, А. Н. Воробьевой, А. М. Зверева, Ю. И. Кагарлицкого, Б. А. Ланина, А. Ф. Любимовой, О. А. Павловой, И. Д. Тузовского, В. А. Чаликовой, С. Г. Шишкиной, Л. М. Юрьевой, Т. Мойлана (T. Moylan), Л. Сарджента (L. Sargent), Ф. Толан (F. Tolan), К. Фернса (C. Ferns), Л. Фойера (L. Feuer), Ш. Р. Уилсон (S. R. Wilson) и др.

Анализ текста потребовал комплексного применения культурно-исторического, сравнительно-исторического, историко-биографического, структурного методов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В своей первой антиутопии «Рассказ Служанки» М. Этвуд продолжает традицию «классических» антиутопий первой половины XX века (произведения Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла), связанную с изображением государства как машины, подавляющей личность путем

ограничения ее свободы, идеологической обработки, показательных казней, слежки, доносительства, контроля за всеми сферами жизни, вплоть до самых интимных.

2. В отличие от предшественников, Этвуд не просто прибегает к повествованию от имени героини, но активно использует женское сознание для изображения особых аспектов угнетения индивидуального «я». В условиях радиоактивного поражения, определившего бесплодие большей части элиты государства, сохранившие здоровье женщины, именуемые Служанками, должны обеспечить потомство власть имущим. Извращенные церемонии Зачатия и Родов превращают их главную участницу в инструмент соития, «ходячую матку», вынашивающую ребенка, но лишенную на него каких-либо прав. В связи с этим большую роль играет мотив телесности, реализующийся в двух аспектах. Тело выступает одновременно как объект принуждения, что определяет у героини отчуждение от него, и как средство ее самоидентификации – через осмысление жизни собственной плоти, своих физиологических ритмов.

3. Проблема сопротивления связана с намеченной в романе тенденцией деления глав на «дневные» и «ночные», фиксирующие соответственно внешние контакты героини с системой подавления и внутреннее сопротивление режиму на уровне воспоминаний и размышлений. Вопрос о возможности сопротивления и сохранения индивидуальной свободы в условиях тоталитаризма решается неоднозначно, что подчеркивается открытым финалом романа, не ставящим точку в судьбе героини.

4. В трилогии, состоящей из романов «Орикс и Коростель», «Год Потопа» и «Безумный Аддам», система угнетения приобретает иной характер, что нарушает антиутопическую традицию: вместо господства государственной машины автор изображает власть транснациональных корпораций, одержимых жадной наживы, использующих в корыстных интересах технические открытия, научные достижения, труд изобретателей и ученых. Это определяет детально разработанную автором структуру

общества, контрастную с точки зрения социального и материального положения: защищенному существованию сотрудников корпораций и ученых, живущих относительно благополучно и свободно (хотя и эта свобода оказывается мнимой), противопоставляются перенаселенные города, пребывающие в состоянии беззакония и анархии.

5. Особым образом в трилогии решается проблема бунта, характерная для жанра антиутопии: сочувственное отношение к индивидуальному бунту в первом романе сменяется ироническим во второй части, что указывает на бесплодность одиночного протеста. В качестве альтернативы автор изображает две групповые формы сопротивления, ненасильственную и активную, сопоставляя их позиции, выявляя привлекательность и уязвимость каждой. Одновременно намечается третий путь развития человечества, основанный на достижениях геной инженерии, и ставится вопрос о возможности искусственного создания новых разумных существ и их духовного совершенствования. Как следствие, в антиутопическом пространстве возникает утопический мотив.

6. Попытки анализа художественного своеобразия трилогии приводят к неоднозначным выводам. Очевидно стремление автора целенаправленно разработать систему художественных приемов (изображение происходящего с разных точек зрения, напряженность диалогов, зримость и выразительность деталей). Однако налицо и снижающие качество трилогии избыточное внимание к любовным коллизиям, детективным и приключенческим интригам, отсутствие эволюции характеров, появление одних и тех же персонажей в разном облике, порой под разными именами, что вызывает необходимость авторского толкования и комментирования. Очевидно влияние на антиутопию массовой литературы, ставка на развлекательность, популярность, на вкусы широкой аудитории, особенно молодежной, жаждущей обязательной благополучной развязки.

Теоретическая значимость исследования проявляется в углублении представлений о жанре антиутопии, а также в осмыслении особенностей

повествовательных форм и сюжетики в произведениях данного жанра. В связи с исследованием судьбы женского природного начала в тоталитарном обществе поднимается вопрос об актуальной в данное время проблеме телесности и ее роли в раскрытии образов персонажей, в углублении антиутопического конфликта (столкновения личности и системы угнетения, подавляющей индивидуальное «я» в его духовном и плотском проявлении).

Научно-практическая значимость исследования заключается в возможности применения его выводов и разработок в качестве материала при чтении курсов зарубежной литературы второй половины XX – начала XXI вв., спецкурсов по североамериканской (и, в частности, канадской) литературе, а также в ходе дальнейших исследований творчества М. Этвуд и современных антиутопий.

Апробация основных положений научно-квалификационного исследования осуществлялась в ходе заседаний кафедры зарубежной литературы Воронежского государственного университета, на Международной научной конференции «XVII Пуришевские чтения. «Зарубежная литература XXI века: проблемы и тенденции» (Москва, МПГУ, 6-10 апреля 2015 г.), 45-й Международной филологической научной конференции (Санкт-Петербург, СПбГУ, 14-21 марта 2016 г.), Международной научной конференции «Современная русская и зарубежная литература: «новое» как историко-литературная проблема» (Воронеж, ВГУ, 25-26 марта 2016 г.), VII Международном научном конгрессе исследователей мировой литературы и культуры «Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций» (Симферополь, Республика Крым, КФУ им. В. И. Вернадского, 8-12 сентября 2016 г.), межвузовских международных заочных аспирантских семинарах в Донецке (Донецк, ДНР, ДонНУ, 2 декабря 2015 г., 7 декабря 2016 г.), Международной научной конференции «Человек и его время» (Воронеж, ВГУ, 20-22 октября 2016 г.), Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 11-12 ноября 2016 г.), Международном

молодежном научном форуме «Ломоносов-2017» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 10-14 апреля 2017 г.).

По теме диссертации опубликовано 15 работ, три из которых – в изданиях, рекомендуемых ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Основное содержание исследования изложено на 146 страницах. Библиография включает 160 источников, из них 61 на иностранном языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, практическая значимость, определяются цель и задачи исследования, приводится краткий обзор критической литературы, обозначаются общие особенности романного творчества канадской писательницы, специфика его проблематики и художественного своеобразия, уточняются основные направления исследований антиутопических произведений М. Этвуд зарубежными критиками, а также затрагиваются некоторые вопросы рассмотрения жанра антиутопии как такового, его разнообразных терминологических определений в сопоставлении позиций западного и отечественного литературоведения.

В **первой главе «Роман М. Этвуд «Рассказ Служанки» как продолжение и развитие антиутопической традиции»** рассматриваются особенности преломления традиции антиутопии в первом произведении канадской писательницы в данном жанре, выявляются отличительные особенности его проблематики и сюжетно-композиционной организации.

В **первом разделе** данной главы **«Образ тоталитарного государства в антиутопии Этвуд»** анализируется присутствие в романе М. Этвуд основных жанровых признаков антиутопии в сопоставлении с произведениями первой половины XX в. («Мы» Е. Замятина, «О дивный

новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла). М. Этвуд воспроизводит в своем романе основной конфликт антиутопии – конфликт личности и тоталитарного общества, помещающего человека в ситуацию духовной, гражданской, политической несвободы – и создает образ Галаада, теократической диктатуры, в которой граждане утрачивают основные имущественные и гражданские права и вынуждены существовать в условиях ограничения доступа к информации, возможности передвижения и общения.

Следуя сложившейся антиутопической традиции, автор наделяет изображаемое тоталитарное государство характеристиками, привычными для антиутопии первой половины XX века: кастовостью, иерархичностью, аппаратом принуждения, что находит выражение в ситуации всеобщего контроля, слежки и доносительства, показательных казнях и групповых церемониях, подчеркивающих лояльность режиму, а также в создании образа внешнего врага и постоянных военных действий, помещающих граждан тоталитарного государства в условия особой уязвимости перед пропагандой.

В романе канадской писательницы ставится вопрос о возможности глубоко личного, подлинного общения, речевого взаимодействия между людьми, актуальный уже для антиутопий первой половины XX в. Подобно их персонажам, члены тоталитарного государства, изображаемого М. Этвуд, не только лишаются возможности делиться критическими суждениями о сути существующего режима, но и вообще разговаривать на более или менее личные темы.

Подавление личности находит свое отражение в подчеркнутом обезличивании человека, его объективации путем квазиноминации (термин предложен отечественным исследователем антиутопии Б. Ланиным): героиню романа и подобных ей лишают собственного имени и дают им наименования, отсылающие к их роли в тоталитарном государстве.

Вмешательство государства в жизнь человека становится особенно ощутимым в сфере частной, семейной жизни, что в романе Этвуд выражается в деформации института семьи и ограничении свободы самоопределения в

данном вопросе (запрет разводов, абортов, принудительное образование пар, лишение определенных категорий граждан права на семьи и воспитание собственных детей).

Подобно тому, как это происходит в более ранних антиутопиях, в романе Этвуд религиозные идеи и предписания претерпевают кардинальные изменения, что приводит к использованию ветхозаветных текстов для создания особого «библейского прецедента» – оправдания ситуации насилия над гражданами путем апелляции к текстам Ветхого Завета. Автор изображает государство, в котором основные нравственные постулаты христианства и его ритуальные формулы «корректируются», приспособляясь к нуждам режима, а тексты Писания становятся источником для клишированных формул общения, затрудняющих личное взаимодействие между людьми и сводящих его к обмену стандартизированными фразами.

Делается вывод о том, что в своей первой антиутопии канадская писательница обращается к традиционной модели жанра, что позволяет ей создать убедительный и пугающий образ тоталитарного государства, подавляющего любые проявления личностного начала.

Во втором разделе «Судьба женщины в антиутопии М. Этвуд» отмечается преломление жанровой традиции в особом аспекте: осмысление ситуации существования личности в условиях подавления подается через восприятие женщины, что по-новому расставляет акценты антиутопического жанра, где протагонистами традиционно выступали героини-мужчины.

«Рассказ Служанки» – история женщины в тоталитарном государстве, в котором население пострадало от массового бесплодия (в результате ядерной катастрофы и радиоактивного заражения). Это приводит к особой политике в области деторождения: женщины, способные к репродукции, выделяются в особую социальную группу для помещения их в семьи элиты для зачатия и вынашивания потомства. Как следствие, повышенное внимание автора привлекают такие аспекты, как сфера интимной жизни, деторождения и

материнства. Героиня Этвуд не только принудительно лишается дочери, рожденной ею до прихода к власти идеологов нового режима, но и вынуждена выполнять функцию «контейнера» для будущей жизни, ребенка, который не будет принадлежать ей с момента рождения. В отличие от героев-мужчин, способных лишь опосредованно воспринимать боль утраты ребенка, Фредова воспринимает это как личную трагедию, которая уже произошла с ней однажды и может повториться в будущем.

В романе Этвуд надругательство над женской природой особенно ярко проявляется в ритуализации процессов зачатия и родов, которые превращаются в извращенные церемонии, спектакль, с помощью которого тоталитарный режим подчеркивает власть над самыми интимными аспектами существования женщины.

В третьем разделе первой главы **«Проблема телесности в антиутопии М. Этвуд «Рассказ Служанки»** продолжается рассмотрение художественного своеобразия романа Этвуд, в данном случае – через призму обращения к проблематике человеческого тела. Отмечается, что данная проблематика была актуальной еще в ранних антиутопиях, ставших своеобразными «матрицами» жанра, что определило подчеркнутое внимание к сферам воспроизводства человеческого рода, репродуктивных практик и технологий, деформациям в сфере интимной жизни в ходе ее регуляции государством. Было намечено и обращение к женской телесности, но в первую очередь в ее провоцирующей, искушающей героя ипостаси.

В романе М. Этвуд «Рассказ Служанки» мотив телесности также раскрывается в нескольких аспектах, служит для изображения ситуации противоречивого осмысления героиней собственного тела в условиях тоталитарной системы. Очевидно присутствие в романе мотива недостатка непосредственных чувственных впечатлений, ощущений («жажда прикосновений») и стремление героини восполнить его, на что указывает в романе обилие деталей, связанных с реакцией героини на запахи, вкусы, осязательные ощущения.

Тело выступает как объект принуждения, что становится ключевым моментом для романа антиутопии канадской писательницы: сохраняя репродуктивную функцию, определяет существование героини в роли «двуногой матки» и «ходячей утробы», в результате чего возникает мотив фрагментации, «расчленения» тела, поскольку все остальные его части символически устраняются как ненужные (конечности, глаза и лицо в целом).

Это подтверждается стилистическим анализом текста Этвуд: отклонения от языковой нормы и использование просторечной лексики, связанной с телесностью, подчеркивают ситуацию профанации интимного и принуждения в аспекте деторождения. К сожалению, перевод, в котором сниженная лексика встречается очень часто, не передает с достаточной точностью специфику стиля Этвуд: автор использует подобные лексемы только в сценах, изображающих унижение героини как женщины и матери. Поскольку тоталитарный режим ассоциирует личную значимость героини исключительно с телом, Фредова пытается отстраниться от собственного тела, внутренне дистанцироваться от него, что становится особенно очевидным в тех эпизодах, когда насилие по отношению к телу достигает крайней степени.

Однако одновременно с мотивом отстранения героини от своего тела возникает и контрастный мотив – ее стремление к протесту, происходящему также на уровне тела. Это находит выражение в повышенном внимании к телесным ритмам (сердцебиения, дыхания, сна и бодрствования) и особенно – к женскому репродуктивному циклу. Повторяемость телесных ритмов и циклов становится нитью, на которую «нанизывается» рассказ Фредовой, благодаря чему преодолевается пустота и аморфность существования героини во времени и пространстве.

Особое значение в романе Этвуд уделяется связи между образностью женского тела и пищи как одной из сфер повседневности, подвергающейся насилию со стороны тоталитаризма. Исследуя метафорические связи пищи и

тела, канадская писательница создает художественное пространство, в котором женское тело воспринимается как объект поедания и поглощения. Помимо этого, Этвуд обращается также к таким модусам жизни тела, как «облачение» и «разоблачение», в свете которых особое внимание уделяется одежде.

В четвертом разделе **«Сюжетно-композиционная организация романа. Особенности повествования»**, в первую очередь, подчеркивается наличие в романе двух временных пластов, которые объединяет своим сознанием героиня. Разворачивающийся пласт «настоящего» постоянно прерывается воспоминаниями о прошлом. Это «переключение» зачастую происходит одномоментно, мгновенно, однако налицо и определенная упорядоченность этих модусов повествования, хотя и довольно гибкая, далекая от фиксированной схемы. Главы основной части романа дополнительно структурируются в 15 разделов, получающих особые наименования: «дневные» группы глав чередуются с разделами, обозначенными как «Ночь» (или, в качестве исключения – «Дрема»).

«Дневные» разделы преимущественно описательны, в них фиксируется существование героини в условиях регламентации всех сторон жизни, включая быт и вещное окружение. Повествование движется линейно, размеренно, что отражает навязанный героине ход времени в условиях подавления тоталитаризмом. Эмоциональный тон этих глав, несмотря на чудовищный характер описываемых в них событий, предельно сдержан, что отражается на уровне синтаксиса, в частности, в большом количестве назывных предложений.

Восемь «ночных» разделов занимают в совокупном объеме основной части романа значительно меньшее место, причем каждый из них содержит лишь одну главу. Однако именно в этих восьми фрагментах текста сосредоточиваются наиболее насыщенные эмоционально воспоминания, связанные с близкими героини. Тон этих глав становится психологически более насыщенным, глубоко эмоциональным, что на повествовательном

уровне фиксируется наполненным ассоциациями потоком сознания героини, освобождающегося от дневных рамок и предписаний.

С этим мотивом внутреннего освобождения связана в романе проблема бунта. Героиня романа Этвуд не предпринимает активных попыток свержения системы. Напротив, внешне она смиряется с существующим положением дел. Путь освобождения оказывается, прежде всего, внутренним, путем обретения целостной личности. Героиня романа Этвуд внешне оказывается пассивной, но именно ей в итоге удается сохранить и свое сознание, и свою жизнь.

Попытки индивидуализации повествования проявляются в романе на уровне отбора художественных деталей, которые характеризуют не столько непосредственное вещное окружение, сколько состояния и переживания героини, и призваны оказать определенное воздействие на читателя. Эти детали в первую очередь касаются нескольких сфер, имеющих для образного строя романа первостепенное значение: они связаны с женским началом, телесностью, деторождением и плодородием, с образами растительного и животного мира, выступающими символами естественного начала в человеке.

Благодаря своеобразному приложению, «Комментарию историка» (образец сухого, утрированно «академического» нарратива, в свете которого рассказ героини трактуется как расшифровка расположенных в произвольном порядке магнитофонных записей, предполагающая множество интерпретаций и композиционных решений), антиутопический пафос романа обретает трагическую окраску и оказывается объектом иронии. Посвящение и три эпитафии также подчеркивают гуманистический потенциал истории героини, помогают создать одновременно фантастический и пугающе реальный образ тоталитарного государства и его жертвы.

Во второй главе «Трилогия Безумного Адама»: проблематика и перспективы развития жанра в начале XXI века» рассматриваются

поздние антиутопические произведения канадской писательницы, выявляются их специфика, обусловленная культурно-историческими реалиями момента написания романов и новейшими тенденциями развития литературного процесса.

В первом разделе «Традиционное и новаторское в «Трилогии Безумного Адама» характеризуются основные направления трансформации традиционных примет антиутопии в трилогии канадской писательницы: тоталитарная государственная машина уступает место абсолютной власти транснациональных корпораций, в том числе и в сфере научных разработок, что находит выражение в создании особой модели социальной структуры. В привилегированном положении оказываются сотрудники корпораций, ученые, живущие в комфорте и относительной безопасности в охраняемых поселках (компаундах). Остальное население живет в стесненных условиях, грязи и нищете городов-плебсвиллей, власть над которыми находится в руках мафиозных структур.

При изображении общества под властью корпораций возникает новый мотив – всепроникающего стремления к наживе. Ситуация абсолютного сосредоточения власти в руках корпораций, озабоченных лишь получением прибыли, находит крайнее воплощение в образе ККБ, «корпорации корпоративной безопасности». В качестве одного из наиболее ярких примеров приводится вмешательство корпораций в религиозную сферу, которая становится инструментом осуществления власти и получения финансовой прибыли.

Особое внимание в рамках данного раздела уделяется таким сферам осуществления насилия над человеком, как пропаганда, идеологическая обработка сознания индивида, регламентация всех сторон повседневности (быта, пищи, одежды). Создавая ситуацию всестороннего угнетения личности, автор обращается к гуманистическому мотиву – попыткам героев сохранить в себе человеческое начало, верность разрушенным нравственным ориентирам и ценностям. Как и в романе «Рассказ Служанки», в трилогии

Этвуд ищет особые подходы к проблеме женского начала. Однако, если в первом случае перед нами история взрослой женщины, в трилогии внимание сосредоточено на искаленной судьбе маленькой девочки, подвергающейся крайним, извращенным формам насилия.

Во **втором разделе** данной главы **«Научно-фантастический элемент в трилогии: проблема генной инженерии»** отмечается еще один аспект специфики художественного пространства в «Трилогии Безумного Аддама», который определяется обращением к проблематике разработок в области генетики. Тема насильственного изменения природы человека и других живых существ, не новая для фантастической литературы, обретает иное измерение: канадская писательница сосредоточивается на жадности корпораций, стремящихся к финансовой выгоде, на коммерциализации науки.

Однако Этвуд практически не затрагивает более глубокой проблематики, связанной с развитием в наши дни генной инженерии, и стоящих перед человечеством задач не в неопределимом будущем, а в настоящем. Автор играет терминами, обозначающими различные виды генетически созданных растительных и животных форм (а в некоторых случаях и форм, относящихся к соединению живой и неживой материи), перенасыщает этими фактами романы трилогии, что выдвигает на первый план развлекательность и занимательность текста. Очевидное тяготение к научной фантастике, к воздействию на воображение читателя ослабляет социально-философскую составляющую трилогии; ей недостает силы и цельности по сравнению с «Рассказом Служанки».

В **третьем разделе** данной главы **«Сопrotивление системе. Проблема гуманистического идеала»** вновь поднимается вопрос о возможности бунта против антиутопического социума, на этот раз на материале трилогии. Делая открытый бунт против системы обреченным на провал, Этвуд поступает в полном соответствии с жанровой традицией, в которой сама невозможность

успешного сопротивления являлась ключевой характеристикой антиутопического конфликта.

Однако в классических образцах антиутопии бунт как таковой, идея бунта никогда не становились объектом иронии, и поражение героя рассматривалось как трагическое подтверждение всеобъемлющей власти тоталитарной системы. А Этвуд усложняет интерпретацию проблемы бунта, лишает образ «бунтующего человека» однозначности, сознательно снижает его. Сопротивление, по ее мнению, возможно, но в более организованной форме, когда противником системы оказывается группа людей, объединенных общими идеалами и целями. Это реализуется в трилогии в изображении двух подпольных организаций, выступающих в качестве альтернативы мало результативному одиночному бунту.

Первой из этих альтернатив становится развивающийся среди городских трущоб-плебсвиллей культ вертоградарей, основанный на ветхозаветной мифологической традиции, осмысляемой в русле современных экологических практик. В вероучении вертоградарей по-новому трактуется типичная для антиутопии оппозиция природного и человеческого: человечество вымирает, поскольку отделило себя от природы и пренебрегло своей властью над нею; теперь же ему нужно вернуться к гармонии с природой, ведя аграрный образ жизни.

Примечательно, что при обращении к вертоградарям Этвуд прибегает к особой авторской стратегии, используя для их изображения двух главных героинь романа «Год Потопа», Рен и Тоби, как субъектов сознания, которые в повествовании чередуются, определяя содержание глав. В первом случае (Рен) это открытый рассказ о действиях «секты» непосредственно от имени юного, наивного свидетеля; во втором (взрослая женщина Тоби) повествование ведется формально от третьего лица, через призму восприятия которого трактуется та или иная сцена. В результате возникают индивидуальные точки зрения на изображаемое, которые во многом не совпадают, но углубляют и дополняют друг друга.

Деятельной альтернативой эскапистскому характеру культа вертоградарей в трилогии Этвуд предстает группа «аддамитов», подпольная организация ученых и хакеров, занятых актами сопротивления власти корпораций, подрывными операциями и диверсиями. Это достаточно плодотворно функционирующая организация, способная бороться с системой, но позиция автора, как и в случае с вертоградарями, оказывается расплывчатой, неоднозначной: аддамиты совершают определенные действия, потенциально способные пошатнуть систему, однако все они носят локальный характер и истолковываются Этвуд в ироническом ключе. Кроме того, члены группы оказываются частично ответственны за гибель человечества.

В поисках нового пути развития человечества Этвуд также обращается к теме генной инженерии: в первом романе трилогии, «Орикс и Коростель», появляются созданные с помощью науки разумные человекоподобные существа, Дети Коростеля. Автор изображает их совершенными с физической точки зрения, на первый взгляд, практически безупречными, устроенными оптимальным образом. Однако по сравнению с человеком они оказываются примитивными, существование их обедняется и во многих аспектах приравнивается к животному.

Изображая контакты Детей Коростеля и остатков Homo Sapiens, автор создает интригу на сюжетном уровне, задается вопросом о возможности скрещивания людей с теми, кто был искусственно создан. Однако серьезная постановка проблемы исключается благодаря увлечению автора ситуацией, в моральном отношении неоднозначной, которую автор пытается смягчить с помощью доброго юмора, а подчас и иронии. Судьба детей, унаследовавших и людские, и животные гены, остается неясной.

Вместе с тем, автор выдвигает мысль о возможном совершенствовании Детей Коростеля в традиционном, человеческом плане. Она находит наиболее последовательное отражение в третьем романе трилогии, «Беззумный Аддам», в образе Черной Бороды, мальчика, относящегося к

существам нового вида, но приобщающегося к опыту старой человеческой цивилизации посредством письменности и способного на духовный и интеллектуальный рост. Этвуд подчеркивает, что потенциал развития человеческого рода определяется не генетическими характеристиками, а культурным развитием, что позволяет говорить о появлении в трилогии утопических мотивов.

В четвертом разделе данной главы **«Художественное своеобразие трилогии и приметы массовой культуры»** рассматривается ряд особенностей проблематики и системы образов в поздних антиутопических романах Этвуд, которые лишают цикл целостности, обедняют его антиутопическую составляющую.

К числу таких уязвимых черт можно отнести, в частности, схематичность, неразработанность ключевых сюжетных линий, которые оказываются лишены глубины и убедительности. Хотя многие персонажи появляются одновременно в нескольких романах трилогии, нельзя говорить о развитии их характеров, эволюции: фактически, происходит замена одного персонажа другим, мотивы поведения одного и того же персонажа в разных частях антиутопического цикла не соотносятся друг с другом и зачастую трактуются противоположным образом, что лишает характер внутренней логики. Налицо и параллели в системе персонажей, которые в некоторых случаях реализуются в практически идентичных поворотах сюжета, избыточных в контексте трилогии как целостного произведения. Более того, как признается автор, многие второстепенные персонажи появились в тексте трилогии только благодаря щедрым пожертвованиям тех, кто заплатил за появление своего имени на страницах романов.

Создавая свою антиутопическую трилогию, М. Этвуд стремится к умножению фабульных линий, отходу от единства композиционной схемы произведения, внесению в ткань повествования элементов жанровых образований, свойственных беллетристике. Характерной чертой «Трилогии Безумного Адамма» становится присутствие мотивов, связанных с высоким

развитием информационных технологий, однако очевидна, в первую очередь, ставка на развлекательность, желание привлечь внимание молодежной аудитории.

В этих же целях в роман вводится авантюрный элемент, лейтмотивом которого становится тема выживания человека в постапокалиптическом мире. Сцены столкновения человека с враждебным окружением разворачиваются перед читателем стремительно и непредсказуемо, предельно зримо и также носят большей частью развлекательный характер.

Несомненно, в тексте трилогии также присутствует отмеченный критиками детективный сюжет, стремление вовлечь читателя в расследование обстоятельств трагедии, произошедшей с человечеством. Этууд предлагает читателю самому определить мотивы деятельности героев, чьи побуждения во многом остаются загадкой, «переименовывает» персонажей в различных частях трилогии. В результате заигрывания с читателем сюжетные линии становятся настолько запутанными, что автору приходится дать в начале третьего романа «содержание предыдущих книг», разъяснять читателю соответствия между персонажами и особенности развития действия.

Присутствие в ткани антиутопии иных жанров западные критики отмечали еще в «Рассказе Служанки», однако все эти вкрапления иных жанров, в том числе и присущих массовой литературе, вписывались органично в антиутопическую структуру романа «Рассказ Служанки». В трилогии же названные выше жанровые модификации нарушают целостность сюжетно-композиционной организации, приводя к неоправданному смещению акцентов на второстепенную проблематику. Глубокий антропоцентризм, яркие художественные находки, свойственные антиутопии в ее лучших образцах, к которым, несомненно, относится и «Рассказ Служанки», уступают место занимательности повествования, каталогизации актуальных политических, социальных и экологических угроз.

В **Заключении** сформулированы выводы по результатам исследования и намечены дальнейшие возможности изучения творчества М. Этвуд в контексте антиутопической традиции и ее развития, в частности, применительно к ее последнему, не переведенному на русский язык роману «Сердце уходит последним» (“The Heart Goes Last”, 2015), где элементы антиутопии приходят в еще более сложное, чем в «Трилогии Безумного Аддама», взаимодействие с элементами различных жанров научной фантастики и массовой литературы в целом.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Жаркова, Е. П. Судьба женского начала в антиутопии М. Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2014. – № 4. – С. 17-21.

2. Жаркова, Е. П. Просторечная лексика в романе М. Этвуд «Рассказ Служанки» (к проблеме перевода) / Е. П. Жаркова // Вестник ВГУ. Серия «Филология и журналистика». – 2016. - № 3. – С. 41-43.

3. Жаркова, Е. П. Символика сада в антиутопиях М. Этвуд «Рассказ Служанки» и «Трилогия Безумного Аддама» / Е. П. Жаркова // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. – 2017. – № 1. – С. 147-153.

в других изданиях:

4. Жаркова, Е. П. Роман М. Этвуд «Рассказ Служанки» и проблема готической традиции / Е. П. Жаркова // Труды молодых ученых ВГУ. – Вып. 1-2. – 2012. – С. 109-113.

5. Жаркова, Е. П. Образ тоталитарного государства в антиутопии Маргарет Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // Тропинка в науку:

Сборник работ Научного общества учащихся и студентов филологического факультета ВГУ. – Воронеж, 2013. – С. 57-63.

6. Жаркова, Е. П. Библейские мотивы в антиутопиях М. Этвуд «Рассказ Служанки» и «Трилогия Безумного Аддама» / Е. П. Жаркова // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. – Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского. – 2014. – №4 (12). – С. 4-14.

7. Жаркова, Е. П. Общение в антиутопическом пространстве романа М. Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // *Культура общения и ее формирование*. Выпуск 31. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2015. – С. 29-33.

8. Жаркова, Е. П. Перспективы развития жанра антиутопии в XXI веке: поворот или тупик / Е. П. Жаркова // *Жанр, метод, стиль. Художественная коммуникация: Материалы Межвузовского аспирантского семинара с международным участием по истории и теории литературы (Донецк, 2 декабря 2015 г.)*. – Донецк: ДонНУ, 2015. – С. 39-46.

9. Жаркова, Е. П. Традиции жанра антиутопии и тенденции массовой литературы в романе М. Этвуд «Орикс и Коростель» / Е. П. Жаркова // *XVII Пуришевские чтения. «Зарубежная литература XXI века: проблемы и тенденции»* – М. : ООО «Сам полиграфист», 2015. – С. 38-39.

10. Жаркова, Е. П. «Рассказ Служанки» М. Этвуд: книга и экранизация / Е. П. Жаркова // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. – Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского. – 2016. – №2 (14). – С. 93-100.

11. Жаркова, Е. П. Тело и пища в антиутопии М. Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // *Жанр, метод, стиль в произведениях мировой литературы. Особенности художественной коммуникации: Материалы Межвузовского международного аспирантского семинара по истории и теории мировой литературы (Донецк, 7 декабря 2016 г.)*. – Донецк: ДонНУ, 2017. – С. 18-24.

11. Жаркова, Е. П. Гендерная специфика выражения авторской позиции в антиутопиях М. Этвуд «Рассказ Служанки» и «Безумный Аддам» / Е. П.

Жаркова // Современная русская и зарубежная литература: «новое» как историко-литературная проблема. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. – С. 161-166.

12. Жаркова, Е. П. Мотив женской телесности в романе М. Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 19-20.

13. Жаркова, Е. П. Духовное и телесное в антиутопии М. Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // Утопические проекты в истории культуры / Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Т. Мора)». – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. – С. 126-128.

15. Жаркова, Е. П. Трансформации временных структур в антиутопии М. Этвуд «Рассказ Служанки» / Е. П. Жаркова // «Времена не выбирают...» : коллективная монография. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С. 108-113.